
М. И. МИХАЙЛОВ**Максим Горький и символизм
в контексте проблемы гуманизма***

Идея гуманизма владела М. Горьким на протяжении всей его творческой деятельности. Известно, что он негативно относился к символизму прежде всего потому, что, по его мнению, искусство символизма по своей сути антигуманистично. В своей статье о Федоре Сологубе он дал такую характеристику символистам: «Пессимизм и полное безучастие к действительности, страстный порыв куда-то в небо и сознание своего бессилия, ясно ощущаемое отсутствие крыльев у поэтов, отсутствие святого духа в сердцах их — вот основные ноты и темы нашей новой поэзии» (XXIII, с. 122). А в статье «Поль Верлен и декаденты» писал, что «декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться» (XXIII, с. 125).

Вместе с тем можно найти у Горького и весьма положительную оценку поэзии Сологуба. Сологуб — «прекрасный поэт; его “Пламенный круг” — книга удивительная, и — надолго», — писал он (XXX, с. 57). Более того, он советовал начинающим поэтам изучать поэтику Сологуба. Представляет интерес высказывание Горького о В. Брюсове, который считал себя вождем русского декаденства: «Это самый культурный писатель на Руси. Лучшей похвалы не знаю. Это искренно»¹.

Нельзя не признать, что и для Горького, и для символистов человек — это нечто более значимое и ценное, чем мир в целом. Однако если для Горького характерна такая позиция: «Мы пришли в мир, чтобы не соглашаться... Человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, — кто бы то ни был, — мне враждебен»², то для представителя

---

* Впервые: М. Горький — взгляд из XXI века. Горьковские чтения — 2008. Н. Новгород, 2010. С. 77–81.

¹ Цит. по: Соснова Л. Подвиг мысли и труда // Литературная газета. 2008. 30 янв.—5 февр. С. 4.

² Переписка М. Горького: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 10–11.

символизма актуальна позиция скорее прямо противоположная: суть ее можно выразить словами Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал»³. Иначе, на наш взгляд, если Горького отталкивало от себя в первую очередь несовершенство мира: «дно жизни», «мерзости жизни» — то для художников-символистов было неприемлемо прежде всего несовершенство самого человека.

Отсюда первостепенной задачей для Горького стало обновление, преобразование мира (общества), для символов же — обновление человека, преображение его души.

Важной составляющей творчества Горького является его мечта (идеал) — мечта о новом мире, его створении. Она так или иначе всегда, порою незримо, пронизывает все творчество писателя, начиная с его ранних рассказов и кончая его художественным завещанием — романом «Жизнь Климова Самгина». Пожалуй, наиболее ярко мечта Горького о новой, лучшей жизни выражена в образах Павла Власова и Ниловны («Мать»).

Здесь важно обратить внимание на следующее. На протяжении всего своего творческого пути Горький не был преемником и сторонником романтизма в строгом (традиционном) смысле, того романтизма, который существовал как литературно-художественное направление в конце XVIII — первой половине XIX в. Как художник он не был таковым и в период раннего творчества, который принято называть активным (прогрессивным) романтизмом. Правильнее и состоятельнее в научном смысле квалифицировать раннее творчество Горького, как это делает один из горьковедов, М. Я. Ермакова, в качестве «романтики 90-х годов». Ведь в чем заключается эстетическая суть, ядро романтизма как такового? На наш взгляд, вовсе не в мечте (романтической мечте) о справедливом здешнем мире, о лучшей жизни на земле, а в одиночестве, трагическом одиночестве, представляющем собой метафизическую раздвоенность художника, его внутреннего мира, души между «верхом» (т.е. Духом, небом) и «низом» (т.е. телом, землей) как феномен его безосновной, беспорной жизни (бытия).

Идею раздвоения человека, его души, а соответственно, и мира, в романтизме удачно выразил Ф. И. Тютчев:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги —
О, как ты бъешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

³ Цит. по: Эрн В. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Лики культуры. Альм. Т. 1. М., 1995. С. 348.

Как видно, исходный (мировоззренческий) принцип романтизма — христианский. Ибо идея двоемирия — это идея христианства. По мнению Н. Я. Берковского, первые теоретики романтизма «расматривали как романтическую литературу христианской Европы, а величайших романтиков видели в Данте, У. Шекспире, П. Кальдероне, М. Серрантесе, И.-В. Гете. Христианство <...> было признано необходимой предпосылкой романтического искусства».

Соответственно, отличительной чертой романтизма следует признать тревогу, страдание, печаль и скорбь художника (вспомним в связи с этим поэзию всемирной скорби и печали в западноевропейских странах), а одновременно — и его самоуглубление, самопереживание, самопознание, одним словом, рефлексию, осуществляющуюся в пределах художественного произведения. Все это весьма характерно, например, для романтизма Новалиса, Тика, бр. Ф. и А. Шлегелей, Байрона, Колриджа, Жуковского, И. И. Козлова, Д. В. Беневитинова, Лермонтова и других романтиков.

То, что характеризует романтизм, его первоосновное содержание, имплицитно, внутренне присуще и символизму. Вся разница между тем и другим направлениями лишь в одном: в символизме в большей мере, чем в романтизме, придается значение художественной форме, ее красоте, выраженной в звуках (музыкальном звучании). Это главным образом и прежде всего относится к лирической поэзии, а не к прозе символистов. Теоретики символизма уподобили лирическую поэзию музыке. П. Валери считал обращение к музыке отличительным признаком всех поэтов, ставших под знамя Символа. По высказыванию Ю. Б. Борева, «в импрессионизме осуществляется господство зрения над слухом и другими чувствами. В символизме же, наоборот, господствует слух; ведущее искусство — музыка. Она царит и в поэзии, и в прозе, и в живописи. В символизме все музыкально». Кстати, музыкальному звучанию живописи (живописной композиции) придавал важнейшее значение В. Кандинский, в чем можно убедиться, читая его работу «О духовном в искусстве» (1910).

Как нам представляется, через посредство звука, его музыкальности символисты стремились (хотя бы на миг — на уровне сверхсознания) почувствовать, ощутить в себе свое глубинное, общечеловеческое «Я», т.е. свою первозданную, совершенную, возвышенно-эйдетическую сущность, а тем самым преодолеть трагическую раздвоенность, конфликт в душе, а значит, и обрести душевный покой.

Лирическая поэзия символистов в таком случае невольно становилась своего рода «молитвой» их души, а красота — ее пищей.

Отсюда становится ясно, почему символисты, по словам Л. К. Долгополова, «не отвергали ни повседневности, ни реальной истории, но ис-

пользовали то и другое в виде “опорных пунктов” для постижения скрытой сущности мира: “*a realibus ad realiora*” (т.е. от реальности «внешней», доступной, к реальности высшей, запредельной) — лозунг Вяч. Иванова.

Можно утверждать, что если в романтизме центр тяжести падает на трагическое, то в поэтическом символизме — на «снятие» трагического в пределах прекрасного (возвыщенно-прекрасного) как переживания красоты (красоты художественного произведения, его формы), пронизывающей самое душу поэта и делающей ее свободной и гармоничной — по отношению к телу (земле) и Духу (небу). Очевидно, что символизм, имея преемственную связь с романтизмом (символизм иногда справедливо называют неоромантизмом), имеет дело в целом с трагически-прекрасным (трагической красотой).

Что касается Горького, то для него основной категорией, определяющей пафос его творчества (прозы и драматургии), стало не трагическое и тем более не прекрасное («искусство для искусства»), а героическое, связанное с осуществлением мечты о новом, справедливом мире. В целом героическое у Горького выступает как своеобразный акт действия, творчества, деяния, направленный на расширение и обретение свободы человека в обществе и в окружающем мире. Сама земля при этом должна была превращаться, по выражению Горького, в «прекрасное жилище человечества» (XXVII, с. 330). Нелишне вместе с тем отметить, что в раннем творчестве — романтике 90-х гг. — героическое у Горького представляет собой некий порыв (к свободе), неосознанное волевое действие героя («безумство храбрых»), а следовательно, его природа во многом мифологична. В свою очередь, в зрелом творчестве писателя героическое предстает как разумное действие, в основе которого заложены передовые идеи своего времени, более того, научное знание. Характерны в этом отношении его романы «Мать» и «Жизнь Клима Самгина». Важно при этом учесть, что в любом случае действия героя у Горького — это не протест, не бунт одиночки (романтизм), а действия такого героя, на стороне которого — народ (простонародье).

Вполне очевидно, что творчество Горького — это в целом гуманизм социальный (социально-исторический). Это значит, что главной целью Горького как мыслителя и художника было утверждение социальной справедливости, социального равенства, добра, человечности во взаимоотношениях людей, а соответственно этому — отвержение насилия, угнетения (в том числе морального) и т.п. В этом смысле он как писатель-реалист явился продолжателем традиций Вольтера, Дидро, Бальзака, Диккенса, Теккерея, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и др.

Признавая значительность социального гуманизма, характерного для Горького, нельзя вместе с тем не видеть и его ограниченности.

Дело в том, что в данном случае феномен человека так или иначе в конечном счете сводится к совокупности общественных отношений. Харли Ваглер верно заметил: «Для Горького идеал не в человеке, как говорили гуманисты и этические культурысты, и идеал не над человеком, как говорили религиозные мыслители, но идеал перед человеком, в истории». Между тем нельзя не признать, что человек — это не только социальное, социально-историческое существо (представитель рода), но и индивидуальность, а точнее, личность, для которой существенно универсально-целостное, т.е. эстетическое утверждение (самоутверждение). Она-то и была значима для символистов. Согласно М. М. Пришвину, «символизм есть встреча текущего момента с вечностью, а место встречи — личность». Как пишет В. В. Бычков, «сила <...> художественного символа как раз и заключается в том, что он чисто художественными средствами организован так, что независимо от веры реципиента в иные миры возводит его в эти миры, точнее, к гармонии с Универсумом при условии достаточно высокого уровня его эстетической восприимчивости».

Социальный гуманизм Горького зачастую (особенно в публицистике) соседствует с политикой, идеологией, а соответственно, его важными ипостасями (свойствами) могут быть (и фактически являются) партийность, классовость, народность, идейность, короче — тенденциозность. Данного рода гуманизм можно квалифицировать как гуманизм в искусстве.

Но наряду с этим видом (типом) гуманизма нужно признать и другой: гуманизм искусства (а не в искусстве). Назовем его «духовно-эстетический гуманизм». Судя по всему, именно выражением этого типа гуманизма является символизм. Ибо основная цель его, еще раз подчеркнем, — порождение души в гармонии (красоте). Согласимся: цель высокая и благородная. Особенно в наше время, когда, по словам академика Н. Н. Моисеева, «общество стоит <...> на пороге катастрофы, которая потребует перестройки всех оснований своего планетарного бытия <...>. Может быть, даже на пороге нового этапа антропогенеза <...>. Это будет совершенно новый этап истории вида homo sapiens, поскольку в основу приспособления человека ложится его “душа”, если пользоваться терминологией А. А. Ухтомского».

